

Франческа ЗАМБЕЛЛО, режиссер:

Москве повезло, что здесь есть Большой

В начале сентября Большой театр открывает сезон новой постановкой оперы Джакомо Пуччини «Турандот». В этой постановке есть как минимум три сенсации. Во-первых, проигнорирована традиция открывать сезон русской оперой. Во-вторых, «Турандот» не шла в Большом с 30-х годов. И в-третьих, ее ставит американка Франческа Замбелло — первый западный режиссер с мировым именем в новейшей истории Большого театра. С Франческой ЗАМБЕЛЛО встретила обозреватель «Известий» Екатерина БИРЮКОВА.

— Вы уже ставили «Турандот»?

— Дважды — в Парижской опере и в Сан-Франциско.

— Для вас существует в этой опере проблема финала, который не был дописан Пуччини и вообще довольно странный — слишком быстрый хенпи-энд после смерти Лю?

— Финал, конечно, не идеален. И проблема даже не в заключительном апофеозном хоре — хору я еще могу поверить. Главная проблема — финальный дуэт Калафа и Турандот — он не продвигает действие. Для меня самое тяжелое — придумать так, чтобы этот дуэт работал. Но мне кажется, что этот финал — все-таки не банальный счастливый конец любовной истории. В нем есть что-то метафорическое. Турандот проходит путь, который ведет ее к человечности. Калаф освобождается от своего прошлого. И все люди, которые поначалу зажатые, тоже освобождаются в конце. Это скорее политическая независимость, чем любовная свобода, раз эти два человека — Турандот и Калаф — теперь на равных могут управлять страной.

— То есть вы видите тут прежде всего социальную историю?

— Да. Когда я ставила оперу в Париже, у меня была ее феминистская интерпретация. Там я мир Турандот сделала полностью женским. Все солдаты — женщины, министры Пинг, Панг и Понг — кастраты. Мужчин в ее дворце вообще не было. А когда я приехала в Россию, мне показалось, что здесь интереснее другое.

— Вы знаете новый финал оперы, который написал Лучано Берлиоз?

— Только слышала. Мне не кажется, что он лучше прежнего. Но постановку, которая сейчас была в Зальцбурге, не видела. Интересно было бы посмотреть.

— Как вам работало с Георгием Цыпиным? У него ведь всегда очень агрессивная, самодостаточная сценография.

— Разве? Мне кажется, что каждый художник ведет себя по-разному — в зависимости от того режиссера, с которым работает. А я очень сильный режиссер.

— Вы с ним работали раньше?

— Да, мы уже сделали с ним «Вестсайдскую историю», которая будет в следующем году на фестивале в Брегенце. А знакомы мы, наверное, лет десять. Это один круг театральных людей Нью-Йорка.

ИГОРЬ ЗАХАРКИН

— На главную партию приглашена итальянка Франческа Патане. Я слышала, вы выдвигали особенные требования к внешности Турандот — чтобы она была хороша собой и худая. Почему — ведь эту роль прекрасно пели самые толстые певицы мира?

— Вы, наверное, видели разные «Турандот». А публика, которая придет в зал, если и видела эту оперу, то только в записи. И я чувствую свою ответственность по отношению к Пуччини — зритель должен верить, что Калаф без ума от Турандот, от ее красоты, от ее власти и силы, от того, что она недостижима.

— Вы сумели найти подходящего Калафа для такой Турандот?

— У нас два замечательных Калафа. Один более известный, это Виталий Тарашенко. А другой, наверное, будет открывать

здесь. Это Сергей Гайдей. В основном состав местный. Я этого и хотела. Одна из особенностей работы в Большом театре — что много солистов мы берем прямо из труппы. Так далеко не везде.

— Вам не сложно работать в театре, где есть постоянная труппа?

— Нет. Постоянная труппа — это такая особенная вещь, которой, мне кажется, не хватает сейчас многим театрам. Едешь в «Метрополитен», «Ла Скала», «Ковент-Гарден» — и везде одни и те же люди, как бы такая международная труппа. Для меня как раз интересно приехать и поработать с незнакомой труппой. Труппа — это как семья. В ней есть и хорошее, и плохое. Мне кажется, вам в Москве повезло, что у вас есть такой ансамбль. Эта традиция сейчас умирает, а на самом деле ее надо бережно хранить.